

ЭДУАРД ПОДВЕРБНЫЙ

ПАР-МОРОК:
ВРАТА НАВИ

Эдуард Подвербный

Пар-Морок. Врата Нави

Серия «Пар-Морок», книга 3

<https://litres.ru/74344662>

SelfPub; 2026

Аннотация

Альтернативная Российская империя, 1908 год. Глухоморье. Тысячу лет Чёрная Баня стояла на границе миров, сдерживая полчища чудовищ из Нави. Но замок рухнул. Врата открылись.

В мир хлынули упыри, вурдалаки, кикиморы и сам Морок — воплощение древнего страха.

Цена победы — новая жертва. Ритуал требует, чтобы дух вновь встал на Порог. Бывший Хранитель, Банник, готов искупить свою вину, но древние манускрипты хранят тайну, способную всё изменить. Еловка готовится к последней битве, от которой зависит судьба всего мира.

Какой ценой дастся эта победа?

Содержание

Глава 1. Пожар	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эдуард Подвербный

Пар-Морок. Врата Нави

Глава 1. Пожар

(Усадьба «Серебряные ключи», утро 27 октября 1908 года)

Пламя пожирало брёвна с голодным треском. Чёрная Баня, простоявшая тысячу лет, умирала в огне, и её предсмертный стон разносился над замёрзшим прудом, над голыми ивами, над притихшим лесом. Дым поднимался к небу густым чёрным столбом, и в этом дыму кружились искры — сотни, тысячи искр, похожих на души, рвущиеся на свободу.

А внутри был ад.

Глеб стоял на коленях в том, что осталось от предбанника. Пот заливал глаза. Лёгкие горели. Каждый вдох был пыткой — дым забивал горло, выедал глаза, душил. Он пытался подняться, но ноги не слушались. Вокруг всё трещало, рушилось, сыпалось искрами.

«Выбирайся. Выбирайся. ВЫБИРАЙСЯ».

Он заставил себя встать. Дверь была бесполезна — он уже пробовал, он бился в неё, пока кулаки не покрылись кровью. Окно. Оставалось только окно — крошечное, затянутое бычьим пузырьём, под самым потолком. Через него сочился сла-

бый, серый свет — единственное, что отделяло его от смерти.

Глеб огляделся. Лавка. Он схватил её — тяжёлую, дубовую — подтащил к стене под окном. Залез на неё, потянулся вверх. Пальцы коснулись рамы. Окно было слишком узким — он понял это сразу. Его плечи не пройдут. Он всё равно ударил кулаком по бычьему пузырю — тот лопнул, и в баню ворвался морозный воздух. Глеб жадно вдохнул, но тут же закашлялся: смесь свежего воздуха и дыма была почти такой же убийственной.

Он спрыгнул с лавки, схватил деревянный ковш, ударил им в окно, надеясь расширить проём. Щепки полетели в стороны. Ещё удар. Ещё. Рама треснула, но не поддалась. Окно было слишком узким. Слишком узким.

— Давай же! — крикнул он сам себе. — Давай, Северов, ты же выбирался из худшего!

Но он не выбирался из худшего. Худшее было то, что происходило сейчас.

Он схватил вторую лавку, взгромоздил её на первую, создав шаткую пирамиду. Забрался наверх. Теперь его лицо было вровень с окном. Морозный воздух обжигал щёки. Он просунул в проём одну руку, другую. Плечи застряли. Он рванулся — острые края рамы впились в тело, раздирая рубашку и кожу. Кровь потекла по рёбрам. Он закричал — не от боли, от ярости — и рванулся снова.

Плечи не прошли.

— Нет! — он ударил кулаком по стене. — Нет, нет, нет!

За спиной что-то затрещало. Он обернулся. Крыша над печью просела. Горящие балки провисли, как рёбра умирающего зверя. Ещё минута — и всё рухнет.

И тут стена слева от двери обвалилась.

Не сгорела. Не просела. Именно обвалилась — рухнула наружу, подломившись под собственной тяжестью. В пролом ворвался свет, снег, воздух. Целая стена холодного, чистого, морозного воздуха. Глеб не думал. Он действовал. И он прыгнул.

Пламя лизнуло его на лету — он почувствовал, как загорается рубашка. А потом — удар. Снег. Холод. Тишина. Он лежал на земле, вжавшись лицом в обжигающий холод, и жадно, судорожно вдыхал. Каждый вдох был как глоток воды после долгой жажды. Снег шипел на его горячей одежде, гася пламя.

Он был жив.

Банник стоял у кромки леса и смотрел на пожар.

Он не чувствовал холода. Но сейчас, глядя на то, как горит его дом, он ощущал что-то странное. Что-то, чему он не мог подобрать названия. Может быть, это была боль. Может быть — пустота. А может быть — освобождение.

Тысячу лет. Тысячу зим, тысячу вёсен, тысячу осеней. Он стоял на Пороге и смотрел на камни. Он парил случайных путников и морочил тех, кто подходил слишком близко. Он убивал помеченных — одного за другим, десятками, может,

сотнями. Он лгал. Он играл. Он создавал миры, чтобы не сойти с ума от одиночества.

И вот — его мир горел. Его баня. Его Порог. Его ученик.

Глеб был там, внутри. Банник знал это. Знал, что дверь заперта. Знал, что окно слишком узкое. Знал, что выхода нет. Он сам так спланировал. Он стоял и смотрел, как горит его дом, и ждал, когда всё закончится.

А потом стена обвалилась.

И из пламени, как призрак, как ожившая тень, вылетел человек. Он прокатился по снегу, оставляя за собой дымный след, и замер. И Банник увидел, как он шевелится. Как он дышит. Как он поднимает голову и смотрит на пожар.

Жив.

— Не может быть, — прошептал Банник. — Этого не может быть.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Он хотел подойти, хотел что-то сказать — но слова застряли в горле. Он просто стоял и смотрел на Глеба, лежащего в снегу, и не верил своим глазам. Тысячу лет он создавал иллюзии. Тысячу лет он обманывал других. Но сейчас реальность обманула его самого.

Глеб поднялся. Шатаясь, он встал на ноги и посмотрел на горящую баню. Его рубашка дымилась, лицо было в саже, руки — в крови. Но он был жив. Он выжил. И Банник, который никогда не плакал, который не умел плакать, почувствовал, как что-то жжет его изнутри. Что-то похожее на слезы.

Баня догорала. Крыша рухнула, подняв столб искр и пеп-

ла. Стены просели, сложились внутрь, как карточный домик. Огонь еще плясал на обломках, но основная часть строения уже превратилась в груды обугленных бревен. И на месте, где тысячу лет стояла Чёрная Баня, теперь зияла пустота.

А потом земля задрожала.

Глеб почувствовал это первым. Он как раз поднялся на ноги и пытался отряхнуть снег с остатков рубашки, когда земля под ним качнулась — не сильно, но ощутимо. Он замер. Дрожь повторилась. Сильнее. Теперь она шла не от пожара. Она шла из-под земли.

Там, где только что стояла баня, снег начал проседать. Медленно, как в замедленном кошмаре, земля оседала, образуя воронку. Сперва маленькую — с ладонь шириной. Потом — больше. Края воронки осыпались, и из глубины поднялся звук. Низкий, утробный, древний. Звук, который не могло издать ни одно живое существо.

Чёрная дыра расширялась. Она поглощала обломки бани, снег, землю, камни. Всё, что падало в неё, исчезало без следа. Воронка росла, и Глеб, пятясь, видел, как в её глубине что-то движется. Что-то огромное. Что-то живое.

Небо над усадьбой потемнело. Не дым — дым уже рассеялся. Само небо, чистое и холодное минуту назад, затянуло чёрными тучами. Они клубились, как живое существо, и в их глубине сверкали молнии — не белые, не жёлтые, а багровые, как глаза древнего зверя.

— Нет, — прошептал Банник. — Нет, нет, нет...

Он понял. Он понял раньше, чем Глеб, раньше, чем кто-либо. Врата открылись. Врата, которые он охранял тысячу лет. Врата, ради которых он убивал, лгал, морочил. Врата, которые он пытался уберечь любой ценой.

Они открылись.

И из чёрной дыры, из самой глубины Нави, начали подниматься они. Духи. Существа. Твари. Все, кого славянские мифы помнили с незапамятных времён. Все, кого люди боялись и кому поклонялись. Все, кого Банник видел в своих кошмарах тысячу лет.

Чёрная дыра расширялась, пока не достигла границ усадьбы. Старый дом, пруд, ивы, забор — всё рухнуло в бездну. Воронка поглотила всё, что было на её пути. А из неё, как из преисподней, лезли они. Бесчисленные. Безымянные. Ужасные.

Глеб бежал от края бездны, которая расширялась до самых границ. И у самых границ края бездны остановились. Глеб остановился. Он не мог оторвать взгляд от того, что происходило. Но инстинкт самосохранения оказался сильнее. Он развернулся и побежал. В лес. К Еловке. К Вере. К своим.

А Банник остался. Он стоял у кромки воронки и смотрел, как его мир рушится. Как тысяча лет его служения обращается в прах. Как то, что он охранял, вырывается на свободу. — Что я наделал... — прошептал он.

Но ответа не было. Только рёв Нави, вырывающейся на

свободу.

Глеб бежал.

Он не помнил, как пересёк границу усадьбы. Не помнил, как пробрался через голые ивы и вышел на тракт. Он просто бежал — хрипя, задыхаясь, спотыкаясь о корни, проваливаясь в снег. Морозный воздух обжигал лёгкие, но это было ничто по сравнению с тем, что он чувствовал за спиной.

Рёв Нави. Тысячи голосов, сплетённых в один — нечеловеческий, древний, голодный. Глеб слышал его даже сквозь шум ветра, даже сквозь стук собственного сердца. Он не оборачивался. Не мог. Если бы он обернулся — он бы увидел то, что уже не смог бы забыть.

А Банник видел.

Он стоял на краю бездны и смотрел, как из неё поднимаются первые твари. Они вырывались из темноты, как пузыри из болотной жижи, — сперва медленно, неуверенно, словно пробуя воздух нового мира на вкус. А потом — всё быстрее, всё яростнее.

Первыми вышли упыри.

Они были похожи на людей — отдалённо. Высокие, неестественно худые, с серой, обтягивающей кости кожей. Их глаза горели тусклым желтоватым светом, как гнилушки в лесной чаще. Одежда — истлевшая, висящая клочьями, — говорила о том, что когда-то они были смертными. Теперь — нет. Они двигались рывками, дёргано, как сломанные куклы, и из их глоток вырывался низкий булькающий вой.

За ними — вурдалаки. Эти были крупнее, массивнее. Их тела, раздутые и осклизлые, лоснились в багровом свете молний. Они передвигались на четвереньках, но при этом двигались с пугающей скоростью. Их пасти были полны кривых жёлтых зубов, а из глоток капала чёрная слюна, шипящая на снегу.

Потом — навии. Бесплотные, полупрозрачные фигуры, парящие над землёй. Они не шли — они плыли, оставляя за собой след из инея. Их лица были размыты, как отражения в мутной воде, но в этих лицах угадывалась такая тоска, такая древняя безысходная печаль, что Банник, видевший многое, отвёл взгляд.

За ними поднимались другие. Кикиморы болотные — тощие, длиннорукие, с волосами, похожими на спутанные водоросли. Злыдни — мелкие, уродливые существа, которые передвигались стаями и грызли всё, до чего дотягивались, включая друг друга. Лихо одноглазое — огромное, циклопическое существо с единственным глазом посреди лба, горящим, как уголёк. Оно шло медленно, тяжело, и каждый его шаг заставлял землю дрожать.

Но были среди них и другие. Те, кого Банник не ожидал увидеть.

Берегини. Они поднимались из бездны не как твари, а как видения. Прекрасные, светловолосые, в белых одеждах, расшитых речным жемчугом. Они не выли, не рычали. Они пели. Их песня была тихой и печальной, как колыбельная над

умирающим ребёнком. Берегини были духами-хранительницами, и их появление здесь, среди чудовищ, казалось ошибкой. Но они были частью Нави — и они вышли вместе со всеми.

За ними — полевики. Маленькие, коренастые духи полей, похожие на ожившие снопы пшеницы. Они озирались по сторонам, растерянные, напуганные. Их мир — мир золотых полей и летнего зноя — остался в Нави. Здесь, в заснеженном Глухоморье, им было не место. Но они вышли. Как и все.

И наконец — жар-птицы. Они вырвались из бездны, как молнии, — ослепительные, золотые, с хвостами, пылающими разноцветным огнём. Они взмыли в чёрное небо, рассекая тучи, и их крик был похож на звон тысячи колоколов. Они не были злыми. Они не были добрыми. Они были свободными. И они устремились прочь от Врат — на восток, на запад, на юг, на север. Во все стороны сразу.

Банник смотрел на это и молчал. Его губы шевелились, но слов не было. Он узнавал их всех. Он видел их всех — тысячу лет назад, когда Врата были открыты в последний раз. Тогда он, Леший и Водяной сражались с ними. Тогда они победили. Но теперь — теперь он был один.

— Что я наделал... — повторил он.

Но ответа по-прежнему не было. Только рёв Нави. И снег, падающий в бездну.

Банник стоял на краю и смотрел, как его мир рушится. Но

он был не единственным, кто почувствовал открытие Врат.

В Чёрном Бору, в самой чаще, куда не проникал солнечный свет даже в ясный день, Леший поднял голову. Он сидел на поваленном дереве у замёрзшего ручья, и вокруг него, прямо из-под снега, пробивались ростки — маленькие, хрупкие, но живые. Он восстанавливал лес. Медленно, упорно, как делал это последний месяц после битвы с Мороком. Вернее, после иллюзии битвы. Леший не участвовал в спектакле Банника, но он знал о нём. И сейчас, когда земля дрогнула, когда небо на севере затянули чёрные тучи, когда ветер принёс запах гари и древней, как сам мир, тьмы, — Леший понял.

— Врата, — произнёс он, и его голос прозвучал как шелест листвы, хотя никакой листвы вокруг уже не было. — Врата открылись.

Он поднялся. Леший смотрел на север, и его глаза, зелёные, как лесная глубина, видели то, что скрыто от людских глаз: потоки тьмы, вырывающиеся из разлома; духов, существ, тварей — всех, кто был заперт тысячу лет.

— Банник, — произнёс он. — Что же ты натворил?

И, не говоря больше ни слова, он двинулся сквозь лес. Деревья расступались перед ним, снег таял под его босыми ногами. Он шёл к Еловке. Он знал: скоро там понадобится его помощь. И он не опоздает.

В Чёрном Омуте, на троне из тёмного камня, спал Водяной. Он спал уже несколько дней — после того, как Глеб и

Вера приходили к нему, после того, как он признался, что поверил. Ему снились древние сны — те, что он видел до того, как люди забыли его имя. Огромные рыбы, бездонные глубины, голоса утопленников. Но вдруг сон прервался. Вода в Омуте вздрогнула. Утопленники, замершие вокруг трона, зашевелились — впервые за много дней. Водяной открыл глаза.

— Врата, — произнёс он, и его голос прозвучал как бульканье воды. — Они открылись.

Он поднялся с трона — огромный, бледный, с короной из речного жемчуга на голове. Его рыбы глаза смотрели на поверхность, туда, где вода Омута начала закипать. Не от жара — от ярости. Его ярости.

— Тысячу лет, — прорычал он. — Тысячу лет я ждал, пока этот глупец что-нибудь натворит. И вот — дождался.

Он взмахнул перепончатой рукой, и вода забурлила, поднимая его к поверхности. Утопленники — все, которые были — двинулись за ним. Водяной выходил из Омута. Впервые за много веков он покидал свои воды не для того, чтобы поугатать рыбаков или утащить неосторожного путника. Он выходил на войну. И Баннику лучше было не попадаться ему на глаза.

А из Врат продолжали выходить существа. И среди них — Морок.

Не тот, иллюзорный, которого Банник создал из пара, чтобы разыграть перед Глебом спектакль. Настоящий. Древний.

Тот самый, с которым Банник, Леший и Водяной сражались много лет назад. Он поднимался из бездны не как тень, не как шёпот, а как чёрная, клубящаяся туча. Огромный, бесформенный, с багровыми глазами, горящими в глубине тьмы.

Он остановился на краю воронки и огляделся. Его взгляд скользнул по горящим остаткам бани, по заснеженному лесу, по чёрному небу с багровыми молниями. А потом он увидел Банника.

Два древних существа — одно из пара, другое из тьмы — смотрели друг на друга. Впервые за много лет. Не в иллюзии. Не в мороке. В реальности.

— Хранитель, — произнёс Морок, и его голос был как скрежет камней. — Ты всё-таки открыл их. Сам. Без меня. Как иронично.

— Я не хотел, — ответил Банник. — Это вышло... случайно.

— Случайно? — Морок рассмеялся, и его смех эхом разнёсся над лесом. — Тысячу лет ты охранял Врата. Ты убивал помеченных тобой же. Ты создавал иллюзии. Ты сделал всё, чтобы никто не смог открыть их. И в итоге ты сам их открыл. Случайно. Это лучшее, что я слышал за многие годы.

— Я закрою их, — сказал Банник. — Я найду способ.

— Конечно, найдёшь, — Морок склонил голову набок. — Но сначала я выйду. И мои братья. И сёстры. Все, кого ты держал взаперти. Мы давно не видели этот мир. Дай нам

насладиться им.

И он двинулся вперёд. Не на Банника — мимо. В лес. К людям. К Еловке. За ним — сотни других существ. И Банник ничего не мог с этим сделать. Он стоял и смотрел, как Навь выплёскивается в Явь. Как то, что он охранял тысячу лет, становится реальностью.

— Что я наделал... — прошептал он в третий раз.

И теперь в его голосе был не только ужас. В нём была решимость. Он не знал, как закроет Врата. Не знал, как остановит то, что выпустил. Но он знал, что должен попытаться. И он пошёл. Следом за Мороком. Следом за всеми. К Еловке. К Глебу. К людям, которых он обманывал и которым теперь должен был помочь.

Глеб выбежал из леса на окраину Еловки, когда утреннее солнце уже совсем поднялось над горизонтом, но его свет был странным — тусклым, красноватым, словно процеженным через кровавое стекло. Чёрные тучи с севера ползли на город, и в их глубине всё ещё сверкали багровые молнии. Гул Врат, низкий и утробный, доносился даже сюда — за несколько вёрст от усадьбы.

Он остановился, чтобы перевести дух, и только сейчас осознал, в каком он виде. Рубашка — вернее, то, что от неё осталось — висела клочьями. Окно Чёрной Бани разодрало её в лохмотья, и острые края рамы оставили на плечах и рёбрах глубокие царапины, из которых всё ещё сочилась кровь. Правое плечо ныло — он едва не вывихнул его, когда пытал-

ся протиснуться в оконный проём. Плащ сгорел в бане. Как и револьвер. И сапоги — один он потерял, когда прыгал через пламя, и теперь правая нога, обмотанная тряпьем вместо портянки, горела от холода. Кулаки были разбиты в кровь — он бил в дверь, пока костяшки не превратились в месиво, и теперь каждый палец пульсировал болью. Лицо, покрытое сажей и копотью, пересекали потёки пота. Глаза слезились от дыма. Он был похож на выходца с того света. Чем, в сущности, почти и являлся.

Но он был жив. И он шёл. Вернее, ковылял, припадая на босую ногу, оставляя на снегу кровавые следы.

Первыми его заметили мальчишки — те самые Петька и Васька, что лепили снеговика прошлой ночью. Они выбежали на улицу, чтобы посмотреть на странное небо, и наткнулись на Глеба. Петька побледнел.

— Господин Северов! — закричал он. — Что с вами?!

— Живой, — хрипло ответил Глеб. — Вера где? Жихарев?

— У гостиницы! Там все! А что это там, на севере? Небо чёрное, и молнии...

— Всё потом. Бегите к ним. Скажите: я иду.

Петька с Васькой умчались. Глеб двинулся дальше, к Базарной площади. Каждый шаг давался с трудом. Мороз жёг босую ногу. Раны на всём теле кровоточили. Он шёл, и люди, выбегавшие из домов, замирали при виде него. Кто-то крестился. Кто-то вскрикивал. Кто-то просто смотрел, не в си-

лах отвести взгляд от человека, который выглядел так, будто его вытащили из преисподней.

У гостиницы его ждали. Вера стояла на крыльце — бледная, с покрасневшими глазами. Рядом — Жихарев, уже в мундире, с револьвером на поясе. Тут же были Михеич, Егор, Евсей Кузьмич — все, кто не спал этой ночью. Все, кто смотрел на север и ждал.

— Глеб! — Вера бросилась к нему. — Ты ранен! Ты...

— Я живой, — повторил он. — Остальное — не важно.

— Что случилось? — Жихарев шагнул вперёд. — Что там, на севере?

— Врата, — ответил Глеб. — Врата в Навь открыты. Банник... он запер меня в бане. Хотел сжечь. Я выбрался. Но баня сгорела. И Врата открылись. Из них лезут твари. Много тварей. Они идут сюда.

Повисла тишина. Люди смотрели на Глеба, на его разодранную рубашку, на кровавые следы на снегу. И медленно, очень медленно до них начинало доходить.

— Значит, Банник нас предал, — произнёс Жихарев.

— Не предал, — Глеб покачал головой. — Он пытался защитить Врата. Но он ошибся. И теперь мы должны исправить его ошибку.

— Как?

— Я пока не знаю, — честно ответил Глеб. — Но знаю, что сначала нужно защитить город. Они идут, Жихарев. Упыри, вурдалаки, навии, кикиморы. Они все идут сюда.

Жихарев побледнел, но кивнул.

— Я подниму людей. Солдат, рабочих — всех, кто может держать оружие.

— Я помогу, — подал голос Прохор Савельевич, выходя из толпы. — У меня на стройке динамит есть. И соль, и серебро — всё, что вы говорили. Мы готовились. На всякий случай.

— Вот этот случай и настал, — сказал Глеб.

Вера взяла его за руку. Он вздрогнул — костяшки саднили.

— Тебе нужно перевязаться и обработать раны, — сказала она. — И одеться. Ты замёрзнешь насмерть раньше, чем эти твари сюда дойдут.

— У нас нет на это времени.

— Время есть, — твёрдо произнесла она. — Пять минут ничего не решат. А мёртвый Хранитель — решит всё.

Глеб посмотрел на неё. Потом кивнул.

— Хорошо. Пять минут.

Она взяла его под руку и повела в гостиницу. А над Еловой уже сгущались тучи. И гул Врат становился всё громче.

Вера завела его в общий зал гостиницы. Евсей Кузьмич уже тащил откуда-то чистую рубаху, старые сапоги, бинты и таз с тёплой водой. Он суетился, причитал, но делал всё быстро — видно было, что человек привык к чрезвычайным ситуациям. Ещё бы — за последний месяц он пережил нападение Морока, пожар в Приказе и визит столичной комис-

сии. Какие-то там Врата в Навь были для него уже почти рутиной.

— Садитесь, господин Северов, садитесь, — бормотал он.
— Ох, ну и вид у вас. Как будто вы из самой преисподней выбрались.

— Почти так и было, — ответил Глеб, опускаясь на стул. Вера склонилась над ним. Её руки дрожали, но она заставила себя успокоиться. Смочила бинт в тёплой воде и начала осторожно смывать кровь с его плеч. Глеб сидел молча, глядя в стену. Мышцы его были напряжены, но он не издал ни звука, хотя прикосновения к ранам должны были причинять боль.

— Ты сказал: Банник запер тебя, — произнесла она, не прерывая работы. — Зачем?

— Он думал, что я открою Врата. Что я — ключ. Он убивал таких, как я. Те трое трупов — это его дело. Он боялся, что я узнаю про Врата, приду к нему и открою их, и он решил запереть меня на Пороге. Навсегда.

— Но ты не открывал Врата.

— Нет. Они открылись сами. Когда баня сгорела. Порог рухнул. И теперь... — он осёкся.

— И теперь?

— И теперь мне нужно его остановить. Банника. И всех, кто вылез из этой дыры.

Вера закончила обрабатывать плечи и перешла к груди. Длинные царапины от рамы тянулись через рёбра — кожа

была содрана, но рёбра, к счастью, целы. Она смазала раны какой-то мазью, которую принёс Евсей Кузьмич, и начала бинтовать.

— Ты не сможешь сражаться в таком состоянии, — сказала она. — Тебе нужен отдых. Хотя бы несколько часов.

— У нас нет нескольких часов. У нас нет даже одного часа.

— Тогда дай мне закончить. И надень сапоги. И рубаху. Ты не можешь идти в бой босиком.

Глеб посмотрел на неё. Она была бледна. Под глазами залегли тени. Она, видать, не спала всю ночь. Ждала его. И теперь, когда он вернулся — израненный, обожжённый, едва живой — она не плакала. Не причитала. Она просто делала своё дело: перевязывала, успокаивала, готовила к бою.

— Спасибо, — сказал он.

— Потом поблагодаришь, — она затянула последний узел бинта. — Когда всё закончится.

Снаружи, на площади, Жихарев строил людей. Солдат было всего пятеро — те, что уцелели после нападения Морока и остались в Еловке. К ним присоединились рабочие с просеки: Прохор Савельевич привёл с собой десятка два мужиков с топорами, ломami и динамитными шашками. Подошли и добровольцы из горожан: кузнец Еремей, двое братьев-охотников с дробовиками, старый отставной унтер с саблей, ещё несколько человек. Всего набралось около сорока бойцов. Не армия. Но для Еловки — целое войско.

Жихарев быстро распределил людей. Охотников поставил

на крыши — оттуда они могли вести огонь. Рабочих с динамитом — на окраину, туда, откуда ждали первых тварей. Солдат — в центр, у гостиницы, чтобы прикрыть отход, если оборона рухнет. Женщин и детей отправили в церковь — единственное каменное здание в городе, которое могло выдержать осаду.

— Соль, серебро, огонь, — повторял Жихарев, обходя строй. — Запомните: у этих тварей нет страха, но у них есть слабости. Упыри боятся серебра. Вурдалаков можно убить только огнём. Навь — солью. Не стреляйте в пустоту. Цельтесь. Берегите патроны. И главное — держите строй. Если строй рухнет — мы все покойники.

Люди слушали. Кто-то кивал. Кто-то крестился. Кто-то просто сжимал оружие побелевшими пальцами. Никто не шутил. Даже самые громкие из рабочих притихли.

А с севера уже доносился вой. Не волчий. Не собачий. Низкий, булькающий, полный голода. Он приближался. И вместе с ним приближалась тьма.

Первыми пришли упыри.

Они появились на северной окраине, у старой церкви — той самой, где месяц назад собирался Совет духов. Их было около дюжины. Высокие, неестественно худые фигуры, закутанные в истлевшие саваны, двигались рывками, дёргано, как сломанные куклы. Их глаза горели желтоватым светом, а из глоток вырывался тот самый низкий, булькающий вой, который Жихарев слышал с севера.

Охотники на крышах открыли огонь первыми. Дробь ударила в упырей, но те даже не замедлились. Пули проходили сквозь них, как через трухлявые деревья, не причиняя вреда.

— Серебро! — крикнул Жихарев. — У кого есть серебро?!

У старого унтера нашлась серебряная пуля — одна-единственная, на счастье, которую он хранил ещё с Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Он зарядил её в ружьё, прицелился и выстрелил. Пуля попала упырю прямо в грудь. Тот закричал — пронзительно, нечеловечески — и рухнул на землю. Его тело начало дымиться, разлагаться, превращаться в прах прямо на глазах.

— Серебро работает! — закричал кто-то.

— У нас его мало! — ответил Жихарев. — Берегите пули!

Рабочие с топорами вступили в бой, когда упыри подошли вплотную. Кузнец Еремей, размахнувшись, отсёк одной из тварей голову — та покатилась по снегу, и тело рухнуло. Двое братьев-охотников били прикладами. Прохор Савельевич швырнул динамитную шашку в гущу тварей. Взрыв разметал упырей в стороны, но на их место уже лезли новые.

А потом пришли вурдалаки.

Эти были страшнее. Крупные, массивные, с раздутыми, осклизлыми телами, они передвигались на четвереньках с пугающей скоростью. Один из них в прыжке сбил рабочего, повалил на землю и вцепился в горло. Кровь брызнула на снег. Кто-то закричал. Кто-то побежал.

— Стоять! — рывкнул Жихарев, стреляя из револьвера.
— Держать строй!

Но строй уже дрогнул. Вурдалаков было слишком много. Они лезли со всех сторон — из леса, с тракта, даже с замёрзшего болота. Их жёлтые зубы клацали, чёрная слюна шипела на снегу. Один из них прыгнул на Жихарева. Ротмистр выстрелил в упор, но пуля не остановила тварь. И тогда из-за его спины вышел Глеб.

Он был уже в сапогах и чистой рубаше, которую дал Евсей Кузьмич. В одной руке он держал топор, в другой — горящий факел. Плечи его были перевязаны, но двигался он быстро — боль отступила перед угрозой.

Факел ударил вурдалака в морду. Тварь взвизгнула и отпрянула, размазывая лапами горящую слизь. Глеб не остановился. Он рубанул топором — раз, другой, — и тварь рухнула на землю. Из раны хлынула не кровь, а какая-то чёрная, дымящаяся жидкость.

— Они боятся огня! — крикнул Глеб. — Зажигайте факелы! Всё, что горит!

Люди бросились выполнять приказ. Через минуту на Базарной площади уже пылали костры. Рабочие размахивали факелами. Даже женщины, вышедшие из церкви, несли горящие головни. Вурдалаки отступали. Но на их место уже шли новые твари. А с севера, из чёрного неба, спускался Морок.

И тут из леса, со стороны Чёрного Бора, вышел Леший. За ним — Водяной, поднявшийся из Мсты вместе со своими

утопленниками. А за ними, по дороге от усадьбы, шёл Банник. Один. Без армии. Без иллюзий. Просто старый дух, который хотел исправить свою ошибку.

Они шли к Еловке. И битва только начиналась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.